

А.А. МУСИЕЗДОВ

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу территориальности современного общества. Традиционно общества мыслились как определенные пространственными границами национальных государств. Современное общество в силу различных причин утрачивает территориальную определенность и предстает скорее совокупностью слабо связанных с территорией сообществ. Соответственно, территориальность современного общества оказывается определяемой не только объективными характеристиками территории, но и приписываемыми ей смыслами. Последние выступают объектом конструирования, протекающего как на повседневном, так и на информационно-технологическом уровнях. Представленные выводы позволяют уточнить понимание территориальных идентичностей, которые оказываются настолько же «естественными», насколько и «воображаемыми».

Ключевые слова: территория, общество, сообщество, воображение, социальное конструирование.

Современные социальные изменения за счет своего масштаба и стремительности приводят к размыванию идентичностей, мыслимых прежде как стабильные и неизменные. Это приводит к поиску более устойчивых и однозначно интерпретируемых оснований для идентификации (семья, друзья, ближайшее окружение и т. д.). Все более «востребованными» оказываются территориальные идентичности (страна, регион, место проживания и т. п.) — территориальная связь индивидов кажется «очевидной» и непротиворечивой, имеющей тенденцию к «естественному» воспроизводству. Однако в силу различных причин «естественность» территории в современном обществе вызывает сомнения, а потому поиск и обретение территориальных идентичностей также проблематизируется. Это заставляет обратиться к вопросу: чем отличается нынешняя связь общества и территории от той, что была ранее предметом общественных наук, — вопросу, который и составляет цель данной статьи.

Мусиездов Алексей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Адрес: 61022, Харьков, пл. Свободы, д. 4.
Телефон: +38 057 707-50-79.
Электронная почта: musiyezdov@gmail.com

Традиционно общество мыслилось как «вписанное» в некие территориальные рамки — природные, государственные и др., — имеющие собственные границы. Основания для такого рассмотрения можно найти как в социально-философских трудах времен античности, так и в первых социологических концепциях.

Как известно, сама идея изучения общества отталкивалась от упорядоченности человеческого поведения: люди ведут себя определенным образом, и за этой упорядоченностью можно усмотреть некоторые закономерности. Причиной такой упорядоченности виделись те или иные правила, которые могли трактоваться как имеющие божественное, природное или человеческое происхождение. Внимание к «человеческому» происхождению этих правил можно усматривать, например, в практике приглашения известных философов для создания законов для древнегреческих полисов или в теориях общественного договора. Однако важно подчеркнуть, что поскольку определенность того или иного общества соотносилась с установленными правилами¹, само общество включало тех, кто им подчинялся. И поскольку границы распространения правил устанавливались границами распространения власти, поддерживающей их выполнение, то границы общества, по сути, обозначались границами государства.

Социология вполне восприняла такое видение общества. Кризисы европейских государств XVIII–XIX веков убедительно продемонстрировали самоорганизацию общества, его несводимость к государству как аппарату по поддержанию общественного порядка — именно на волне этих событий и окончательно оформилась социология. Однако, несмотря на осознание указанного различия, границы общества и через сто лет по-прежнему ассоциировались с границами государства. Это хорошо видно по попыткам определения того, что такое общество. Так, например, ряд социологов (Д. Аберле, А. Коэн, К. Дэвис, М. Леви и Ф. Саттон, Т. Парсонс) выдвинули идею, что определяющей характеристикой общества является «самодостаточность». «Самодостаточно» общество, которое:

- способно прокормить себя, производя достаточное количество товаров и услуг, не прибегая к внешним заимствованиям;
- способно защитить себя от внешней и внутренней угрозы;
- создает весь комплекс культуры и связанную с ними инфраструктуру;
- успешно занимается социальным обеспечением населения;
- имеет собственную валюту, сохраняет платежеспособность и возможность оплачивать долги [18].

¹ «МЫ, живущие по нашим законам» в отличие от «ДРУГИХ, живущих по другим законам» (например греки и варвары и т. д.).

Как видим, большая часть из перечисленного необходимым образом предполагает наличие государства с соответствующей территорией. Сходные признаки выделяет Р. Марш — социальное объединение следует считать обществом при его соответствии следующим условиям:

- постоянная территория;
- пополнение общества главным образом благодаря деторождению, хотя иммиграция также в этом играет некоторую роль;
- высокоразвитая культура — модели культуры могут быть достаточно многообразными, чтобы удовлетворить все потребности общественной жизни;
- политическая независимость — общество не является подсистемой или частью какой-то другой системы [18].

Как видим, и здесь первым условием выступает наличие некоторой «своей» территории, связанной с государством («политическая независимость»). Наиболее известным является взгляд на определение общества, принадлежащий Э. Шилзу. По его мнению, чтобы называться обществом, социальное объединение должно отвечать следующим критериям:

- оно не является частью какой-либо более крупной системы;
- браки заключаются между представителями данного объединения;
- оно пополняется преимущественно за счет детей тех людей, которые уже являются признанными представителями данного объединения;
- объединение имеет территорию, которую считает своей собственной;
- у него собственное название и собственная история;
- оно обладает собственной системой управления;
- объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида;
- его сплачивает общая система ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой [25].

Самыми главными для Э. Шилза выступают общая система управления, общая территория и общая культура. Таким образом, как видим, попытки определения того, что такое общество, так или иначе, подразумевают его соотносительность с государством и его границами. Такое устойчивое связывание общества с территорией, прослеживаемое в социологии, послужило поводом для остроумного высказывания Н. Лумана, что социология «пытается решить свою центральную проблему посредством географии» [19].

Существует точка зрения, согласно которой социология не может дать удовлетворительного определения общества, однако и в этом

случае последнее обычно связывается с территорией. Так, авторы известного социологического словаря пишут, что «понятие “общество” представляет собой категорию здравого смысла, для которого оно эквивалентно национальным границам государств» [20, с. 177].

Однако, что такое территория, которая определяет границы общества? Насколько она является здесь «независимой переменной»?

При ближайшем рассмотрении она оказывается очень даже зависимой — и именно от общества. Собственно говоря, с тех пор как идеи социального конструктивизма в общественных науках получили распространение, вряд ли было бы разумно не признавать такую зависимость — во всем, что относится к обществу, кроме структур, отношений, правил, принуждений и т. д., следует видеть еще и воспринимаемый и разделяемый смысл — значение, приписываемое культурой [15, с. 75–76]. Именно он, этот смысл, оказывается непосредственным основанием действий, воспроизводящих или изменяющих общество. Иными словами, все, что в том или ином виде относится к действию, так или иначе подразумевает собственное толкование. В этом смысле любой, не только собственно социальный (или точнее — традиционно относящийся по ведомству социологии), но и «вещественный», физический объект выступает объектом социокультурным². То есть, имея некоторое значение, смысл для действующего индивида, любой объект становится фактором его (индивида) деятельности, а потому — носителем социального.

Граница физического пространства, территории в этом смысле становится весьма благодатным предметом для демонстрации справедливости указанных положений. Так, например, до сих пор нередко оказывается под вопросом легитимность границ постсоветских государств. Относительная новизна нынешних границ и привычка воспринимать их как сугубо номинальные (каковыми они были в советское время) приводят к тому, что они в сознании до сих пор проблематизированы — люди помнят, что ситуация с границами может быть иной, что вызывает как ностальгические эмоции по поводу отсутствия в прошлом проблем с их пересечением, так и соображения об их недостаточной «закрытости», что может вести к воплощению в жизнь внешних угроз (реальных или мнимых). В обоих случаях в сознании многих государственные границы по-прежнему остаются

² Так, дерево, хотя оно и является природным объектом, будучи посаженным (или сохраненным) в определенном месте, может выступать и как «историческая ценность» (например, если под ним отдыхал А.С. Пушкин), и как «показатель эстетического вкуса или статуса владельца», и как «свидетельство природоохранной деятельности местных властей», и как «символ города» (например, каштаны для Киева или клены для Канады).

(потенциально) «подвижными» и могут не иметь характера очевидной данности.

Несмотря на обширную риторику и обилие аргументов, обосновывающих правильность или неправильность существующих или возможных границ (а скорее всего благодаря им), очевидным становится символическое конструирование границ, а соответственно — и территорий. Так, в своей работе «Изобретая Восточную Европу» Ларри Вульф пишет: «Именно Европа Западная в XVIII веке в эпоху Просвещения, изобрела Восточную Европу, свою вспомогательную половину». Она понималась как край, если не полного варварства, то как «связующее звено между Европой и Азией, между цивилизацией и варварством» [11]. Также сошлемся на известную работу Эдварда Саида «Ориентализм: западные концепции Востока», в которой аргументируется актуальный для постколониальной теории тезис, что укоренившееся в мире представление о Востоке является продуктом западного образа мыслей, основанного, естественно, на его интересах [21].

Как нетрудно заметить, в наше время идет активное переосмысление пространственных категорий восприятия. Одной из причин этого является необходимость их большего соответствия интересам ключевых геополитических игроков, с одной стороны, и с другой — тех, кто пытается отстаивать собственные интересы в противовес им³. Другой причиной, на которую часто ссылаются, является глобализация, понимаемая здесь как упрощение движения людей, ресурсов, товаров, капиталов, услуг, информации и т. д. Новые практики существенно изменяют восприятие пространства, территорий и мест. Так, Н. Луман пишет, что «эволюция социокультурного мира благодаря языку, письменности, телекоммуникации настолько уменьшает значение пространственных отношений, что сегодня коммуникация опережает оставшееся значение пространства, а не наоборот» [19].

На это обращают внимание не только социогуманитарные дисциплины; в рамках самой географии (как естественнонаучного «алиби» для традиционного понимания границ общества) все чаще звучит

³ Интересна попытка концептуализировать регион Украины, Беларуси и Молдовы как самобытное и самодостаточное «Пограничье» — чему способствует деятельность Центра перспективных исследований и образования (*Centre for advance studies and education, CASE*). Исключение Европейским союзом рассматриваемого региона в сущности оставляет его в зоне геополитического, культурного и т. д. влияния России, что в общем и целом не вызывает удовольствия ни у многих представителей самого региона, ни у ряда международных игроков вне его. Все это провоцирует желание обозначить данный регион самостоятельно — как в рамках академического дискурса, так и в общественном сознании [7].

идея о необходимости пересмотра «контейнерной» парадигмы, в которой пространство понималось как вместилище для «вещей». На смену этому приходит понимание того, что само пространство конституируется смыслами, приписываемыми ему человеком [13]. Сходным образом о пространстве рассуждает А.Ф. Филиппов, выстраивая собственную «социологию пространства» и отталкиваясь при этом от идей Г. Зиммеля, трактовавшего пространство как форму, определяющуюся некоторым содержанием [23].

Указанная трактовка физического пространства смещает фокус рассмотрения территориальности в сторону анализа сообществ, приписывающих ему смыслы.

Учитывая сказанное, говорить об обществе как конституированном территориальными рамками было бы возможно в том случае, если в этих рамках оно представляло бы собой некое «моральное единство» в дюркгеймовском духе — то есть его члены разделяли бы общие смыслы, в том числе относительно физического пространства. Однако сам Э. Дюркгейм, говоря о социальной солидарности, указывал на сомнительную эффективность «коллективного сознания» в условиях общества с развитым разделением общественного труда [12]. Современное общество лишь подтверждает правомерность подобных сомнений.

Скорее можно говорить о том, что общество теперь предстает совокупностью различных сообществ, которые все менее детерминированы пространственно и социально. Так, З. Бауман в противовес традиционному рассмотрению общества как определяемого главным образом государственными границами (территориальными и символическими) предлагает изменить акценты и говорить о «сообществе» (*agency*) и «месте жительства» (*habitat*). Особенностью такого рассмотрения является то, что под сообществом подразумевается общность агентов, основанная на стилевом сходстве, сходстве культурных практик и т.п.⁴ Место здесь, в свою очередь, не является жестким условием их конструирования — на одной территории могут сосуществовать представители различных сообществ, тогда как представители одного сообщества могут существовать в разных частях физического пространства. Так, например, люди могут иметь больше общего с представителем их сообщества из другого города или даже страны, чем со своими соседями по подъезду [4].

К подобному выводу, с несколько иных позиций, приходит и М. Маффессоли. Он воспроизводит логику теоретиков постмодернизма, описывающих нынешнее состояние общества как характеризующееся

⁴ Также говорится о возможности выбирать собственное сообщество и таким способом «творить себя» (*self-constitution, self-assembly*).

распадом «метанарративов» — то есть идеологий как рациональных проектов переустройства мира — и кризисом сколько-нибудь логически разработанных доктрин вообще. На смену им приходят образы и впечатления, знаки и мифы, симулякры и прочее. С точки зрения социальной солидарности как способа существования социальных групп, это означает акцент не столько на «рассказе» об общей истории и / или ценностях, но на «общих» разделяемых символах как основе группообразования. «Постмодерная солидарность», о которой М. Маффесоли пишет в своей главной работе «Время племен», характеризуется существованием социальных объединений, возникающих как объективация некоторых символов, отождествляемых с общим опытом, судьбой, стилем жизни и т. п. [28]. Именно наличие этих конститутивных для группы символов, отличает постмодерную солидарность от форм целенаправленного объединения для удовлетворения потребностей.

Понятием «племя» (*tribe*) М. Маффесоли пытается описать «широкий диапазон социальных солидарностей: музыкальные субкультуры, фанов телесериалов, группы по интересам (в рамках культурного досуга), команды, создаваемые вокруг авангардных течений в искусстве, антиглобалистов, экологические движения, молодежные банды, религиозные общины, общественные объединения, блоггерство, социальные сети в Интернете и т.п. — все те, которые в противовес племенам в классическом антропологическом понимании не имеют собственного исторического континуума и не являются бессмертными в социальном смысле» [14, с. 77]. Общество, таким образом, понимается М. Маффесоли как территориально рассеянная микроплеменная сеть, а «неотрайбализм» как его характеристика означает новую социальную логику объединений, направленную в первую очередь на общение как самоцель.

Среди причин такого положения вещей можно назвать: развитие информационных и коммуникационных технологий, которое имело следствием расширение взаимодействий между (локальными) обществами; взаимопроникновение культурных образцов; возрастание роли культурных факторов в функционировании и развитии общества; относительная свобода в выборе «жизненных стилей» и т. д. Как подчеркивают исследователи глобализации [3; 5; 16; 17], все это отнюдь не приводит к уменьшению различий между сообществами. Более того, современные средства коммуникации не только способствуют общению самых разных людей между собой, но еще и «герметизируют» существующие сообщества. В стремлении получить подтверждение собственной идентичности, взглядов, ценностей и т. д. люди предпочитают общаться и взаимодействовать внутри «своих» сообществ с теми, кто им близок не столько социально, сколько культурно,

стилистически. В свою очередь это ведет к ограничению влияния кого бы то ни было на «общество в целом»: переубедить в чем-то можно лишь тех, кто говорит с тобой на одном языке, обладает одинаковой или сходной культурной компетенцией и взаимодействует с тобой, но такие люди и так обычно разделяют твои взгляды; тех же, кто не входит в круг твоего общения и взаимодействия, не понимают тебя, переубедить невозможно.

Если общество представляет собой сочетание сообществ, а пространство конституируется приписываемыми ему смыслами, то очевидно, что различные сообщества приписывают одному и тому же пространству различные смыслы. Означает ли это полный отказ от интерпретации определенности того или иного пространства и сведения его всего лишь к произвольно наполняемому «контейнеру смыслов» (взамен прежней его интерпретации как контейнера физических объектов)? Означает ли это, что в современном мире территориальность утрачивает свое значение и общество становится совокупностью экстерриториальных сообществ? Многочисленные исследования свидетельствуют, что нет: люди по-прежнему ассоциируют себя с местом, считают важной свою связь с ним, и это проявляется в том, что территориальные идентичности продолжают играть важную роль в самоопределении человека [27]. Тогда возникает вопрос, за счет чего существует подобная связь в современном мире?

Этот вопрос, как видно, в некотором роде повторяет дюркгеймовскую проблему солидарности в современном обществе. Напомним: его ответ состоял в том, что «органическая» солидарность (в отличие от «механической», основывающейся на силе «коллективного сознания») базируется на осознании взаимной функциональной зависимости членов общества [12, с. 127]. Такой вариант ответа в принципе вполне возможен. Так, если привлечь для объяснения марксистский подход, то можно утверждать, что существование территориальных сообществ обусловлено наличием общих для их членов территориальных интересов, связанных с сугубо территориальными практиками (передвижение на работу и обратно, посещение магазинов, культурных мероприятий и т.д.) — благоустройство территории, необходимый уровень работы коммунальных служб, обеспеченность теми или иными учреждениями, транспортом и прочей инфраструктурой и т. д. Необходимость отстаивать эти интересы и является фундаментом для самосознания территориальной общности. Сформулированные в виде идеологии интересы, в свою очередь, «завладев массами», становятся «материальной силой», конструирующей объективность территории и тем самым ее «принудительную силу» как «социального факта». Однако такую интерпретацию следует признать как минимум недостаточной, поскольку она, по сути, лишь рационализирует

функциональную связь человека с местом и не объясняет других уровней связи, а потому необходимо должна быть дополнена.

Можно предположить, что основанием для того, чтобы считать себя представителями локального сообщества, выступает «территориальная повседневность» как во многом общий опыт территориальных взаимодействий. Однако этот пункт имеет как минимум два основания для критики. Первым можно указать тезис П. Бурдые о гомологии социального и физического пространств [9, с. 39–42]. Согласно ему, представители различных социальных групп стремятся к тому, чтобы их территориальные практики осуществлялись в рамках «своих» сообществ: они стараются жить более или менее обособленно от других; посещать соответствующие их групповым предпочтениям учреждения и мероприятия; по возможности использовать обособленные транспортные маршруты и т. д. Иными словами, «жизнь» человека протекает преимущественно в опыте своего сообщества, в то время как в общий «для всех» территориальный опыт человек оказывается включенным фрагментарно.

Другим основанием критики могут служить многочисленные исследования, посвященные восприятию городского пространства вообще и реконструкции ментальных карт города в частности [10]. Согласно этим исследованиям, казалось бы общее пространство воспринимается совершенно по-разному в зависимости от особенностей индивидов (возраст, род деятельности, включенность в различные практики и т. д.). В сущности, эти исследования лишь подчеркивают различия смыслов, приписываемых «общему» пространству различными сообществами.

На наш взгляд, более адекватной следует признать конструктивистскую логику: воспринимаемая общность территории является социальным конструктом, а территориальное сообщество — «воображаемым сообществом». Как пишет Б. Андерсон, «любая общность, бóльшая, чем первобытное поселение с непосредственными контактами между жителями (хотя, возможно, и она), является воображенной» [2, с. 23]. Поэтому ключевым здесь оказывается вопрос: каким образом представители различных сообществ «воображают» общую для них территорию.

Обратившись к Б. Андерсону, можно говорить о том, что «воображаемые» нации пришли на смену «воображаемым» религиозным сообществам, основывающимся на идеях (вневременной) избранности и общности сакрального языка. Современные нации отчасти перенимают эту логику, также требуя единства (национального) языка и культуры, с одной стороны, и истории, долженствующей воплотиться в национальном государстве, реализующем «исконные» интересы нации, с другой стороны. Основным средством «воображения» здесь

выступает конструирующая и сакрализирующая общность «память». Очевидно, что в случае территориальных сообществ такой «способ воображения» оказывается не вполне приемлемым, хотя и возможным. Это обусловлено тем, что большинство современных локальных сообществ не имеют очевидной укорененности в данном месте, а выступают сложным продуктом миграций и культурных смещений.

А. Аппадурои, развивая логику Б. Андерсона, выстраивает собственную теорию «воображаемых ландшафтов» [26]. Он подчеркивает, что возникающие «на местах» культуры уже никак не привязаны к определенному месту и времени, насыщены образами, созданными где-то далеко. Локальное как артикуляция этнокультурной идентичности, религиозный фундаментализм, общинная солидарность не предшествует исторически глобальному, а производится и / или конструируется из тех же потоков образов, которые конституируют глобальное. Современное локальное столь же детерриториализовано, как и глобальное. А. Аппадурои пишет: «...когда турецкие гастарбайтеры смотрят турецкие фильмы, сидя в своих квартирах в Германии, или же когда корейцы, живущие в Филадельфии, смотрят олимпийские игры 1988 г. в Сеуле, движущиеся образы встречаются с детерриториализованными зрителями, образуя транснациональные публичные сферы» [24, с. 57]. Соответственно, и сами сообщества, и территории выступают продуктом воображения, а значит, и возможным ресурсом для коллективного действия: «Именно воображение, в своих коллективных формах, создает идеи соседства и национальности, моральных экономий и несправедливого распределения заработков и перспектив трудоустройства. Сегодня воображение является организующим основанием для действия, а не для замыкания в себе» [24, с. 59].

Роль «воображения» в определении связи общества и территории легко прослеживается в массовом распространении попыток сконструировать образ территорий. Результатом осмысления этих процессов становятся книги, посвященные маркетингу мест и территорий⁵. С недавних пор в издательстве “*Palgrave Macmillan*” выходит ежеквартальный журнал “*Place Branding and Public Diplomacy*” («Брендинг места и публичная дипломатия»), посвященный брендингу и маркетингу, проводимым в целях национального, регионального и гражданского развития [29]. Происходят многочисленные события, связанные с маркетингом территорий и т. д. В любом случае конструирование и навязывание территориальных значений является весьма важным фактором. Однако, учитывая тот факт, что нынешнее общество не только

⁵ Литература на эту тему довольно полно представлена в обзоре В. Солодкого, см.: [22].

медиатизировано, но и фрагментировано, он оказывается не единственным, определяющим связь общества и территории.

Как уже было сказано, различные сообщества приписывают территории разные смыслы, несмотря на усилия по конструированию общих представлений. Разумеется, во взаимодействии с членами «своего» сообщества «территориальная картина мира» не подвергается сомнению, но что происходит во взаимодействии с другими — теми, кто связывает с территорией другие смыслы?

В своих крайних формах речь здесь вполне может идти о конфликтах — от исключительно символической борьбы до боевых действий. Однако, на наш взгляд, в случае повседневных взаимодействий уместно сослаться на феноменологический «принцип взаимозаменяемости перспектив (точек зрения)» [1; 15] — участники взаимодействия предполагают, что их партнеры интерпретируют ситуацию так же, как и они сами (что на самом деле не соответствует действительности). Такое предположение создает впечатление, что существует общее и непроблематичное физическое пространство. Но общими оказываются лишь определенные маркеры, связанные в данном случае с территорией. Их значения остаются в той или иной мере различными, несмотря на разделяемую иллюзию общих приписываемых смыслов⁶. Степень различия этих смыслов тем меньше, чем более однородным оказывается само локальное сообщество (например, в силу экономической специализации), с одной стороны, и с другой — чем более выражены практики конструирования локальной специфики (например, в силу необходимости такого конструирования в туристических целях).

Очевидность и естественность территориальных смыслов в данном случае обеспечивается «наглядностью» и «осязаемостью» самого физического пространства и опытом социализации, связанным именно с данными физическими условиями. Сформированная этими факторами связь с местом дает основания для специфического (обычно не рефлексированного) отношения к территории, а также — для ощущения максимального комфорта индивида именно в данных условиях физической среды, «укорененности» в ней, ощущения этих условий как «своих» именно потому, что они были своего рода фоном для социализации индивида. Иными словами, мой комфорт является свидетельством «правильности» моей картины мира — значений, связываемых мною с данной территорией.

⁶ Так, например, «магазин» для одного человека будет в первую очередь означать небольшую лавку на узких улочках города, для другого — супермаркет в спальном районе, для третьего — сельпо и т. д.

В такой интерпретации повседневного конструирования и функционирования территориальных значений, в сущности, представлены идеи, известные из работ, с одной стороны, П. Бергера и Т. Лукмана, и с другой — П. Бурдьё. Так, в «Социальном конструировании реальности» П. Бергера и Т. Лукмана речь среди прочего идет о том, что «подтверждением» истинности знания для индивида является его соответствие разделяемой картине мира — соответствие результата взаимодействия, полученного с использованием определенной системы значений, ожиданиям, сформулированным в той же системе значений [6]. Согласно П. Бурдьё, габитус, воплощая в себе определенные социальные отношения, оказывается, таким образом, заранее адаптированным к воспроизводству именно этих отношений, которые поэтому и представляются единственно возможными и самоочевидными на уровне «здорового смысла» агентов [8].

Таким образом, вопрос о связи общества и территории может раскрываться не только в контексте дискуссий о роли «суверенитета» в эпоху глобализации, как это обычно происходит. Территориальность современного общества оказывается определяемой не только и не столько объективными характеристиками территорий или социальных порядков. Она связана с различными способами конструирования территориальных значений: с одной стороны, повседневным, предполагающим, что партнер по взаимодействию разделяет твои представления; с другой стороны, информационно-технологическим, предполагающим конструирование и продвижение территориальных образов. Такая ситуация не отменяет, а дополняет прежний взгляд на территорию как «место», определяющее сообщество и определяемое им. Среди прочего сказанное позволяет существенным образом уточнить понимание территориальных идентичностей, которые оказываются настолько же «естественными», насколько и «воображаемыми».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретивную социологию / Пер. с нем. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
3. *Бауман З.* Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства / Пер. з англ. І. Андрущенко. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008.
4. *Бауман З.* Социологическая теория постмодерна / Пер. с англ. С. Макеева // Человек и общество. Хрестоматия / Под ред. С.А. Макеева. Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. С. 255–267.

5. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
7. Бобков И., Терешкович П. Вместо предисловия // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. № 1–2/2004. С. 5–9.
8. Бурдье П. Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас / Сост., пер. и вступ. ст. А.В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 16–39.
9. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Бурдье П. Социология политики / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33–52.
10. Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009.
11. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. Е. Федюкина. М.: НЛЮ, 2003 [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2013. URL: <<http://politzone.in.ua/index.php?id=243>>.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
13. Замятина Н. Ю., Митин И. И. Гуманитарная география // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 282–288 [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2013. URL: <<http://imitin1.at.tut.by/SlovarGG2.pdf>>.
14. Заяц Д. «Indie-rock социология» Мишеля Маффесоли // Социология: теория, методы, маркетинг. 2011. № 3. С. 74–83.
15. Ионин Л. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
17. Кирьянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007.
18. Кравченко А.И. Социология. М.: Академический проект, 2001 [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2013. URL: <<http://yourlib.net/content/view/4736/59/>>.
19. Луман Н. Понятие общества // Социологическая теория: классические тексты и современные дискуссии. Русско-немецкая хрестоматия / Сост. Н.А. Головин. СПб, 2001 [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2013. URL: <http://hq.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann1.html>.
20. Общество // Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004.

21. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. М: Русский мир, 2006.
22. Солодкий В. История изучения продвижения стран, регионов, городов [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2013. URL: <<http://www.sostav.ru/blogs/27523/4453/>>.
23. Филиппов А. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
24. Фурс В. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 57–66.
25. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского; под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 341–359 [электронный ресурс]. Дата обращения 08.09.2013. URL: <<http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1105>>.
26. Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
27. Jefferys S., Revilla J.C., Tovar F.J. Collective identities in the age of restructuring: Old and new class, space and community-based identities in six European regions // International Sociology. 2013, July. Vol. 28. No. 4. P. 391–408.
28. Maffesoli M. The time of the tribes. The decline of individualism in mass society. London: Sage Publications, 1996.
29. Place branding and public diplomacy [online]. Date of access 08.09.2013. URL: <<http://www.palgrave-journals.com/pb/index.htm>>.